

ДЖЕЙМС БЕКФОРД

Религии и миграции — старое и новое

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-2-30-55>

James A. Beckford

Religions and Migrations — Old and New

James A. Beckford (1942–2022) — Department of Sociology, University of Warwick (Great Britain).

Some of the most interesting and contentious issues that arise in connection with migration centre on religions and identities. This article begins by outlining the ways in which sociological research has already provided valuable insights into the complex intersections between religions and migrations. The second section of the article argues, however, that two of the less frequently studied questions about the intertwining of religions and migrations need to be examined in depth. They concern “forced” migration (particularly of children) and the implications of migration for the practice of religion in prisons. The third section raises two of the ethical and policy-related issues that arise in connection with religions and migrations.

Keywords: religion and migration, religion in prisons, globalization, freedom of religion, religious conflicts.

В О ВСЕ большем числе стран растет популярность политических партий, политических идеологий и политических движений, которые рассматривают иммиграцию как серьезную угрозу самобытности, целостности и процветанию той или иной страны. Например, опрос общественного мнения, проведенный *YouGov* в апреле 2018 г., показал, что 11 288 взрослых респондентов в выборке из одиннадцати стран ЕС считают иммиграцию самой важной проблемой, стоящей перед Европейским

Перевод с английского по изданию: Beckford, James A. (2019) “Religions and migrations — old and new”, *Quaderni di Sociologia* 80: 15–32. <http://journals.openedition.org/qds/2599>; DOI: <https://doi.org/10.4000/qds.2599>.

Союзом¹. Поддержка этого мнения варьировала от 53% в Дании и Финляндии до 26% в Испании. Средний показатель для всех одиннадцати стран составил 41%. Для сравнения, вторым по важности вопросом был терроризм, но его выбрали в среднем только 30% респондентов.

Не только общественное мнение об иммиграции в Европе имеет большое значение само по себе, но и политическая мобилизация все чаще выстраивается на иммиграционной политике. Еще более важно то, что в нескольких странах уже пришли к власти правительства, проводящие политику, враждебную иммигрантам. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что Европа столкнулась с миграционным кризисом и что многие из наиболее спорных вопросов связаны с религией и идентичностью. Социологические исследования по этим вопросам уже позволили получить ценную информацию о сложных взаимосвязях между религией и миграцией, но в этой статье мы хотим показать, что некоторые аспекты этой темы заслуживают более тщательного изучения, чем это было сделано до сих пор.

Основные аргументы представлены в трех разделах. Статья начинается с обсуждения того, каким образом исследования религии и миграции внесли важный вклад в широкую область социологии религии. Во втором разделе два из менее часто изучаемых вопросов о переплетении религий и миграций, прежде всего в Великобритании, рассматриваются более подробно. И в третьем разделе поднимаются два этических и политических вопроса, возникающих в связи с проблематикой религии и миграции.

1. Миграция, религии и социология религии

Масштабы и формы миграции претерпели огромные изменения на протяжении тысячелетий, но миграция остается явлением, неразрывно связанным с религиями. В некоторых случаях миграция имеет религиозные мотивы и причины. Во многих других случаях она влияет не только на то, как мигранты и их потомки практикуют религию, но и на общества, в которых они поселяются. Было бы преувеличением утверждать, что религия всегда яв-

1. Wells, A. (2018) "YouGov data reveals what Europeans think are the most important issues facing the EU", *YouGov*, May 11 [<https://yougov.co.uk/news/2018/05/11/yougov-data-reveals-what-europeans-think-are-most-/>, accessed on 02.06.2023]. Страны: Великобритания, Франция, Германия, Дания, Швеция, Финляндия, Польша, Литва, Греция, Италия и Испания. Доступ от 20.06.2018.

лялась важным аспектом миграции — за исключением таких случаев, как миграция в ответ на религиозные преследования или миграция, преследующая религиозные цели. Но несомненно то, что религиозные аспекты миграции и поселения в новых местах могут иметь немалое значение. Действительно, международные потоки мигрантов способствуют перераспределению «мировых религий» по регионам земного шара².

В начале XXI в. мы стали свидетелями роста интереса среди социологов, религиозных деятелей и политиков к проблеме сложного переплетения религии с миграцией. Это находит свое отражение в увеличении количества публикаций и других исследований, посвященных этой теме. Все они указывают на то, что базовые концепции и теоретические идеи о религии и миграции не только интересны сами по себе, но и связаны с более масштабными проблемами, например, гендером, глобализацией, транснациональными сетями, секьюритизацией, виртуальной коммуникацией, мультикультурализмом, мобильностью, процессами исключения (*exclusion*), правами человека и секуляризмом.

Некоторые из самых ранних исследований религии и иммиграции в США подчеркивали ассимиляцию иммигрантов в американские институты и образ жизни через религиозную идентификацию, через принадлежность к религиям³. В Европе основное внимание уделялось политическим вопросам интеграции и исключения, особенно растущему числу иммигрантов-мусульман из Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии⁴. Но только к концу XX в. частота и объем исследований, относящихся к другим частям мира, стали возрастать. С 2000 г. появилось немало обзоров исследований религии и миграции⁵. Кроме

2. Pew Research Center (2015) *The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050. Why Muslims Are Rising Fastest and the Unaffiliated Are Shrinking as a Share of the World's Population*, pp. 12–13. [http://www.pewforum.org/files/2015/03/PF_15.04.02_ProjectionsFullReport.pdf, Accessed on 02/06/2023].
3. Herberg, W. (1955) *Protestant, Catholic, Jew. An Essay in American Religious Sociology*. Garden City, NY: Doubleday & Co.; Hammond, P. E. (1963) "The Migrating Sect: an Illustration from Early Norwegian Immigration", *Social Forces* XLI: 275–283.
4. Bastenier, A., Dassetto, F. (1979) "Hypothèses pour une analyse des stratégies religieuses au sein du monde migratoire en Europe", *Social Compass* XXVI(1): 145–170.
5. Ebaugh, H. R., Chafetz, J. S. (eds) (2000) *Religion and the New Immigrants: Continuities and Adaptations in Immigrant Congregations*. Walnut Creek, CA: Alta Mira Press; Haddad, Y. Y., Smith, J. I., Esposito, J. L. (eds) (2003) *Religion and Immigration: Christian, Jewish, and Muslim Experiences in the United States*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press; Leonard, K. I., Stepick, A., Vasquez, M. A., Holdaway, J. (eds) (2005) *Immigrant Faiths: Transforming Religious Life in America*. Walnut

того, религия и миграция были в центре внимания специальных выпусков таких различных академических журналов, как: *Journal of Refugee Studies* (vol. 15: 2, 2002; vol. 24: 3, 2011), *American Behavioral Scientist* (vol. 49: 11, 2006), *African Studies* (vol. 68: 2, 2009), *Ethnic and Racial Studies* (vol. 33: 3, 2010), *International Migration* (vol. 51: 3, 2013), *Religion & Gender* (vol. 3: 1, 2013), *Forced Migration Review* (vol. 48, 2014) и *Global Networks* (vol. 14: 3, 2014). В то же время количество веб-сайтов, баз данных, исследовательских проектов, конференций, семинаров, университетских модулей и исследовательских центров, активно содействующих изучению взаимодействия между религией и миграцией, также неуклонно росло с 2000 г.

Здесь не место останавливаться на вопросах строгого определения «религии» или «миграции». Любые определения оспариваются. Но для наших задач в этой статье мы включаем в понятие «религия» широкий спектр эмоций, действий, отношений, организаций, артефактов, ролей, ценностей, символов и верований, которые связаны с верой в силы, существа и уровни реальности, которые, как считается, превосходят чисто человеческие. Понятие «миграции» относится к изменению места жительства людей, которое связано с пересечением региональных, национальных или международных границ. Миграция — это и обратимый процесс,

Creek, CA: AltaMira Press; Cadge, W., Ecklund, E. H. (2007) “Immigration and Religion”, *Annual Review of Sociology* XXXIII: 359–379; Bramadat, P., Koenig, M. (eds) (2009) *International Migration and the Governance of Religious Diversity*. Montreal and Kingston: McGill-Queen’s University Press; Bonifacio, G. T., Angeles, V. S. M. (eds) (2010) *Gender, Religion, and Migration*. Lanham, MD: Lexington Books; Garnett, J., Harris, A. (eds) (2013) *Rescripting Religion in the City. Migration and Religious Identity in the Modern Metropolis*. Farnham: Ashgate; Pew Research Center (2012) *Faith on the Move. The Religious Affiliation of International Migrants* [<http://pewforum.org/Faith-on-the-move.aspx>, accessed on 02.06.2023]; Pew Research Center (2013) *The Religious Affiliation of U.S. Immigrants: Majority Christian, Rising Share of Other Faiths* [<http://www.pewforum.org/2013/05/17/the-religious-affiliation-of-us-immigrants/>, accessed on 02/06/2023]; Connor, P. (2014) *Immigrant Faith. Patterns of Immigrant Religion in the United States, Canada, and Western Europe*. New York: New York University Press; Gallo, E. (ed.) (2014) *Migration and Religion in Europe. Comparative Perspectives on South Asian Experiences*. Farnham: Ashgate; Kivisto, P. (2014) *Religion and Immigration: Migrant Faiths in North America and Western Europe*. Cambridge: Polity Press; Vilaça, H., Pace, E., Furseth, I., Pettersson, P. (eds) (2014) *The Changing Soul of Europe. Religions and Migrations in Northern and Southern Europe*. Farnham: Ashgate; Pace, E. (2014) “Religion in Motion: Migration, Religion and Social Theory”, in H. Vilaça, E. Pace, I. Furseth, P. Pettersson (eds) *The Changing Soul of Europe. Religions and Migrations in Northern and Southern Europe*, pp. 9–23. Farnham: Ashgate; Beckford, J. A. (ed.) (2015) *Migration and Religion*, 2 vols. Cheltenham: Edward Elgar Publications.

и результат, который может варьировать от временного до постоянного, от добровольного до принудительного и от индивидуального до коллективного. Она также может быть связана с образованием диаспор, с поиском убежища, с внутренне перемещенными лицами и с беженцами. В этом смысле она не включает кочевничество, перегон скота или паломничество.

Не вызывает сомнений, что изучение миграции с особым упором на религию в настоящее время стало необходимым по разным причинам. Эти причины связаны с влиянием транснациональных и глобальных сил на способность религиозных идей, сетей и организаций влиять на жизнь растущего числа людей во всем мире. Используя все преимущества новых электронных средств связи, информационных технологий и мобилизации, религиозные агенты, движения и организации теперь могут распространять свое влияние как на мигрантское, так и на местное население способами, которые были почти невыносимы до XXI в.⁶

В то же время усилилась критическая и враждебная реакция даже на относительно скромную активизацию религии, особенно в тех местах, где претензии на свободу вероисповедания вступают в противоречие с доктринами секуляризма и различными формами оппозиции к отдельным — или всем — религиям. Иначе говоря, глобализация активизировала процессы распространения религий и тем самым обострила противоречия и конфликты, которые могут быть особенно острыми в отношении мигрантов даже спустя долгое время после их обустройства на новом месте⁷.

Кроме того, проживаемая религия (*lived religion*) мигрантов формируется не только их жизнью до и после миграции, но и контекстом, в котором они поселяются, теми транслокальными социальными сетями, в которых они участвуют⁸. Миграция может предоставить возможности для развития новых или гибридных религиозных верований, идентичностей, практик и способов интеграции в общество. Изменение гендерных ас-

6. Cowan, D. E. (2007) "Religion on the Internet", in J. A. Beckford, III N. J. Demerath (eds) *The SAGE Handbook of the Sociology of Religion*, pp. 357–376. London: Sage.

7. Juergensmeyer, M. (eds) (2003) *Global Religions. An Introduction*. New York: Oxford University Press; Robertson, R. (2003) "Antiglobal Religion", in M. Juergensmeyer (ed.) *Global Religions. An Introduction*, pp. 110–123. New York: Oxford University Press.

8. Connor, P. (2010) "Contexts of Immigrant Receptivity and Immigrant Religious Outcomes: the Case of Muslims in Western Europe", *Ethnic and Racial Studies* XXXIII(3): 376–403.

пектов религиозных идентичностей и практик вызывает особые споры у мигрантов в западных либеральных демократиях. Но адаптация к новым обстоятельствам также может привести к напряженности и разногласиям внутри ранее сплоченных религиозных коллективов. Это означает, что баланс между преемственностью и изменением отношения мигрантов к религии динамичен. Различия между поколениями в отношении мигрантов к религии очень велики, хотя и не обязательно связаны каким-либо простым образом с изменениями социально-экономических условий их жизни.

Еще одним аспектом связи между религией и миграцией является степень, в которой критическое осмысление миграции оказывается в центре внимания богословских и пастырских авторитетов в религиозных организациях⁹. Сакральная мудрость большинства религиозных традиций содержит размышления об опыте пребывания «чужим в чужой стране» и о религиозных обязанностях быть гостеприимными к путешественникам и переселенцам. Кроме того, теологи и философы религии много писали о миграции, а религиозные организации создали учреждения и агентства по обеспечению благосостояния мигрантов, беженцев и просителей убежища. Например, группы христиан были особенно активны в предоставлении убежища незарегистрированным мигрантам, пересекающим границу из Мексики в США. А многочисленные мусульманские ассоциации оказывают гуманитарную помощь перемещенному населению, например в Африке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии¹⁰.

Тот факт, что неформальные социальные сети и социальные движения, а также формальные организации, претендующие на то, чтобы представлять интересы мигрантов как приверженцев определенных религий, в настоящее время активно действуют в публичной сфере многих обществ, является еще одной причиной того, чтобы рассматривать религию и миграцию в качестве важного направления исследований. Транслокальный и транснациональный охват некоторых из этих акторов де-

9. Hagan, J. M. (2013) "Crossing Borders: Transnational Sanctuary, Social Justice, and the Church", in C. Bender, W. Cadge, P. Levitt, D. Smilde (eds) *Religion on the Edge. De-Centering and Re-Centering the Sociology of Religion*, pp. 263–283. New York: Oxford University Press.

10. Benthall, J., Bellion-Jourdan, J. (2009) *The Charitable Crescent: Politics of Aid in the Muslim World*. London: I. B. Tauris.

лает их еще более значительными¹¹. Некоторые из них являются филиалами или отделениями потенциальных (*would-be*) глобальных организаций, претендующих на то, чтобы представлять целые религиозные традиции. Помимо предоставления поддержки и ресурсов мигрантам спустя долгое время после первоначального поселения, эти акторы стремятся формировать общественное мнение и влиять на политиков и законодателей в отношении таких потенциально спорных вопросов, как образование, семейное право, здравоохранение, социальные службы, ритуальный забой животных и погребение умерших. Меняющийся ландшафт городских районов также свидетельствует о растущем числе религиозных зданий и памятников, возводимых мигрантами в качестве символов их присутствия и в качестве инвестиций в материальную, социальную и культурную ткань обществ, в которых их потомки, как ожидается, будут продолжать практиковать свою веру¹². Споры вокруг религиозных зданий, возведенных иммигрантами, часто разгораются в публичной сфере даже в таких мирных странах, как Швейцария. Распространение печатных и цифровых СМИ, вещательных каналов, фильмов, веб-сайтов и социальных сетей, разработанных специально для мигрантов — приверженцев определенных религий, является еще одним свидетельством их институциональной консолидации и способности оказывать влияние в более широких общественных сферах¹³.

Расселение мигрантов, которые идентифицируются (или самоидентифицируются) как меньшинства на основании их этнической принадлежности, «расы», религии или национальности, обычно вызывает политические дебаты о самом смысле и масштабах иммиграции, а также дискуссии о правах иммигрантов. Права мигрантов на пребывание, возможности их трудоустройства, жилье, программы здравоохранения и социального обеспечения, образование и гражданство занимают важное место

11. Allievi, S., Nielsen, J. (eds) (2003) *Muslim Networks and Transnational Communities in and across Europe*. Leiden: Brill; Adogame, A. (2010) "Transnational Migration and Pentecostalism in Europe", *Pentecostudies: An Interdisciplinary Journal for Research on the Pentecostal and Charismatic Movements* 9(1): 56–73; Cherry, S. M., Ebaugh, H. R. (eds) (2014) *Global Religious Movements across Borders*. Farnham: Ashgate.
12. Knott, K. (2005) *The Location of Religion: A Spatial Analysis*. London: Equinox; Oosterbaan, M. (2014) "Public Religion and Urban Space in Europe", *Social & Cultural Geography* 15(6): 591–602.
13. Lövheim, M., Axner, M. (2011) "Halal-TV: Negotiating the Place of Religion in Swedish Public Discourse", *Nordic Journal of Religion & Society* XXIV(1): 57–74.

в политической повестке многих стран. Философские доктрины плюрализма, секуляризма и мультикультурализма часто используются для интерпретации, критики или оправдания широкого спектра реакций общества на иммиграцию.

Однако в последние десятилетия вопросы о религиозных аспектах образа жизни мигрантов также стали доминировать во многих из этих политических (в том числе в смысле конкретной государственной политики) и философских дебатов¹⁴. Особенно интенсивные споры разгораются вокруг утверждений о том, что некоторые формы религиозной практики могут наносить ущерб статусу женщин, быть несовместимыми с западными представлениями о гражданстве, противоречить идеалам всеобщего образования и т.д. Действительно, некоторые мигранты дистанцируются от своей религиозной принадлежности именно по этим причинам, хотя такого рода проблемы пока еще мало исследованы.

Несмотря на все эти противоречия, расселение иммигрантов самого разного вероисповедания во многих кругах рассматривается как положительное явление, поскольку они приносят разнообразие в религиозную, культурную, политическую, гражданскую и общественную жизнь. Готовность мигрантов участвовать в межрелигиозной и экуменической деятельности также является важной частью аргумента в пользу того, что все религии могут внести положительный вклад в жизнеспособность гражданского общества.

2. Два сравнительно мало известных аспекта переплетения религии и миграции

В этом разделе подробно рассматриваются два конкретных случая взаимного переплетения религии и миграции. Основное внимание уделяется Великобритании, но при необходимости приводятся сравнения с другими странами.

14. Modood, T. (1998) "Anti-Essentialism, Multiculturalism and the 'Recognition' of Religious Groups", *Journal of Political Philosophy* VI(4): 356–377; Bader, V. (2009) "The Governance of Religious Diversity: Theory, Research, and Practice", in P. Bramadat, M. Koenig (eds) *International Migration and the Governance of Religious Diversity*, pp. 43–72. Kingston, ON: School of Policy Studies, Queen's University; Kymlicka, W. (2009) "The Governance of Religious Diversity: the Old and the New", in P. Bramadat, M. Koenig (eds) *International Migration and the Governance of Religious Diversity*, pp. 323–334. Kingston, ON: School of Policy Studies, Queen's University.

2.1 «Вынужденная» миграция и дети-мигранты

Принуждение было одной из важных движущих сил межнациональной миграции в прошлом и настоящем. Люди, перемещенные в результате насильственных конфликтов, войн и преследований, а также стихийных бедствий, таких как сильные засухи, наводнения, землетрясения и извержения вулканов, были вынуждены пересекать границы, чтобы спасти свою жизнь и защитить свои семьи. В последние десятилетия место женщин в этих вынужденных миграциях привлекает все большее внимание ученых¹⁵.

Особого внимания заслуживает та или иная форма вынужденной миграции, предполагаемыми жертвами которой являются дети. Более того, появляется все больше свидетельств активного участия религиозных организаций в стимулировании и содействии вынужденной миграции детей под предлогом того, что они сироты или живут в нищете. Многих из этих детей насильно отправляли за тысячи километров без ведома и разрешения их родителей. Многие из них также подвергались физическому и сексуальному насилию со стороны религиозного персонала, например, католической «Конгрегации христианских братьев» (*Congregatio Fratrum Christianorum*). Лишь у немногих из них были паспорта. Очень немногие были законно усыновлены за границей. Большинство из них провели свои ранние годы до взросления в крупных интернатных учреждениях с плохими стандартами питания, образования и медицинского обслуживания.

Одним из наследий британского империализма является сеть отношений между 53 странами, которые в настоящее время образуют Британское Содружество Наций. Эта сеть медленно вырастала из своих имперских корней, окончательно оформившись в 1949 г. Сейчас в этих странах проживает почти треть населения мира. Сотрудничество между ними в образовательных, культурных, политических, экономических, правовых, спортивных и военных вопросах продолжается и в XXI в. Существуют также связи между христианскими церквями во многих странах Содружества, и некоторые из них сыграли важную роль в насильствен-

15. Chant, S. (ed.) (1992) *Gender and Migration in Developing Countries*. London: Belhaven Press; Willis, K., Yeoh, B. (eds) (2000) *Gender and Migration*. Cheltenham: Edward Elgar; Griffith, R. M., Savage B. D. (eds) (2006) *Women and Religion in the African Diaspora: Knowledge, Power, and Performance*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press; Bonifacio, G. T., Angeles, V. S. M. (eds) (2010) *Gender, Religion, and Migration*. Lanham, MD: Lexington Books.

ной миграции детей. Например, Мальта, страна Содружества, участвовала в схеме отправки маленьких детей в католические учреждения Западной Австралии в период с 1947-го по 1965 г.¹⁶ Это один из малоисследованных аспектов связи между религией и миграцией.

Британские церкви и благотворительные организации были не единственными организациями, участвовавшими в насильственной миграции детей, но они сыграли заметную роль в побуждении, принуждении или содействии миграции обездоленных или предположительно осиротевших детей в отдельные домохозяйства или институциональные «дома» в некоторых частях империи, а затем Содружества, таких как Австралия и Канада. Первая партия из 100 детей была отправлена из Лондона еще в 1618 г. в английскую колонию на территории нынешнего американского штата Вирджиния. Но пик детской миграции пришелся на конец XIX и на XX в.¹⁷ Среди основных религиозных организаций, занимавшихся детской миграцией и возникших в 1880-е гг., были Ливерпульское католическое общество защиты детей, Католическая ассоциация эмиграции, Общество беспризорников и бездомных при Церкви Англии и Армия спасения — все это основные христианские организации.

Подобные схемы детской миграции действовали и в других странах, особенно в США, где Нью-Йоркское общество помощи детям и другие организации перевозили многих детей по стране на так называемых «поездах для сирот». Религиозная ориентация организаций, ответственных за детскую миграцию и расселение, варьировала — она могла быть унитаристской, либерально-протестантской, евангелической или католической. Здесь грань, разделяющая побуждение и принуждение, начинает стираться. Действительно, религиозно мотивированные случаи отправки детей-мигрантов из Великобритании в Канаду, Австралию и на бывшую территорию Южной Родезии (ныне Зимбабве) имели целью удержать детей в религиозном сообществе их семей или опекунов — или, как Гордон Линч сформулировал это со ссылкой на католические практики, «охранить веру» от зла впадения

16. Plowman, D. H. (2010) "A Fragment of the Maltese Exodus: Child Migration to Australia 1953–1965", *Journal of Maltese History* II(1): 1–20.

17. Parker, R. (2008) *Uprooted: The Shipment of Poor Children to Canada, 1867–1917*. Bristol: Policy Press; Lynch, G. (2016) *Remembering Child Migration*. London: Bloomsbury.

в протестантизм или в религиозное равнодушие»¹⁸. Были особые опасения по поводу «отхода от веры»¹⁹ католических детей, которые могли попасть в специальные учреждения в соответствии с законом о бедных или оказаться иным образом в «подобной протестантской среде»²⁰.

Кроме того, одним из первых мотивов насильственной миграции детей было сохранение так называемой расовой чистоты Британской империи. В результате из схем были исключены темнокожие дети и дети-инвалиды. Это, несомненно, была форма расистской социальной политики, маскирующаяся под заботу о детях под эгидой религиозных (и светских) организаций.

Масштаб этой принудительной миграции детей из Великобритании был внушительным. По существующим оценкам, до 130 000 детей были отправлены из Великобритании в Канаду, Австралию, Новую Зеландию и на территорию нынешней Зимбабве. В период с 1867-го по 1915 г. только из Великобритании в Канаду было отправлено около 80 000 детей²¹. В рамках последней миграционной схемы, которая была остановлена лишь в 1970 г., около 3300 детей были перемещены из Великобритании в Австралию.

Скандал с миграцией детей из Великобритании под эгидой религиозных организаций, среди прочих добровольных объединений, не стал предметом публичной дискуссии до конца XX в. Бывшие дети-мигранты и некоторые из их родителей десятилетиями пытались привлечь общественное внимание к своим протестам против бесчеловечного обращения, которому дети подвергались со стороны как религиозных, так и светских организаций. Но, в конце концов, в 1987 г. был создан Фонд помощи детям-мигрантам²², а в 1997 г. — Международная ассоциация бывших детей-мигрантов и их семей²³. Вместе они смогли организовать поддержку своих кампаний по проведению официальных расследований жестокого обращения и получению правовой компенсации за страдания столь многих детей. Бывший

18. Lynch, G. *Remembering Child Migration*, p. 47.

19. Parker, R. *Uprooted: The Shipment of Poor Children to Canada, 1867–1917*, p. 91.

20. Ibid., p. 94.

21. См.: Parker, R. *Uprooted: The Shipment of Poor Children to Canada, 1867–1917*.

22. World Authority on Child Migration, Dr Margaret Humphreys, to be invested in Canberra as an Officer of the Order of Australia [<https://www.childmigrantstrust.com/>, accessed on 02.06.2023].

23. IAFCM&F [<https://www.childmigrantstrust.com/iafcmf/>, accessed on 02.06.2023].

премьер-министр Австралии Кевин Радд принес «национальные извинения» в ноябре 2009 г. за роль Австралии во «всех несправедливостях», совершенных схемами детской миграции²⁴. А в феврале 2010 г. премьер-министр Великобритании принес формальные извинения бывшим детям-мигрантам за то, что он назвал «позорным стечением обстоятельств»²⁵. Жалобы бывших детей-мигрантов недавно были рассмотрены в качестве специального тематического исследования в рамках продолжающегося в Великобритании Независимого расследования случаев сексуального насилия над детьми (IICSA)²⁶. В опубликованном в марте 2018 г. отчете о «Программах детской миграции»²⁷ правительство Великобритании в первую очередь обвиняется в том, что оно не отреагировало должным образом на обвинения в жестоком обращении в программах для детей-мигрантов; но отчет также выявил серьезные правонарушения в различных религиозных организациях.

Споры о детях-мигрантах продолжают привлекать внимание в Великобритании и Австралии. Отчасти они возникают в связи с весьма болезненным вопросом поиска семей бывших переселенцев и могил умерших.

2.2 Тюрьмы и места содержания под стражей

Глобальные потоки наркотиков, оружия, преступников, членов банд и мигрантов, не имеющих официальных документов, — все это способствовало тому, что состав находящихся в тюрьмах заключенных во многих странах стал более разнообразным с точки зрения национальной, этнической принадлежности, языка и религии. Власти также выступали за разработку неолибераль-

24. Prime Minister. Transcript of address at the apology to the Forgotten Australians and former child migrants. Great Hall, Parliament House. 16 November 2009 [<https://tinyurl.com/3722f32m>, accessed on 02.06.2023].

25. “Child Migrant Apology”, Youtube — 10 Dowing Street, 2010, 10 February [<https://www.youtube.com/watch?v=4MEXAdmEmlM>, accessed on 02.06.2023].

26. The Independent Inquiry into Child Sexual Abuse [<https://www.iicsa.org.uk/>, accessed on 02.06.2023]. Общие сведения (*background statement*) об исследовании программ детской миграции доступны здесь: [<https://tinyurl.com/29epyezy>, accessed on 02.06.2023].

27. IICSA (Independent Inquiry Child Sexual Abuse) (2018) *Child Migration Programmes. Investigation Report*. London, Report HC954-II, presented to Parliament, March 2018. [<https://tinyurl.com/257kx837>, accessed on 02.06.2023].

ной политики, направленной на «борьбу с преступностью»²⁸. Невозможно точно знать, сколько мигрантов содержится в тюрьмах Англии и Уэльса, но есть общедоступная информация примерно о 3000 человек, которые содержатся в специальных центрах для иммигрантов и ожидают депортации или выдворения из Великобритании²⁹.

Таким образом, тюрьмы представляют собой одно из сложных мест пересечения религии и миграции, хотя эта конкретная область до сих пор не подвергалась серьезному социологическому анализу. Тем не менее исследования выявили большое разнообразие типов этого переплетения в разных странах. Например, в Англии и Уэльсе наличие большого количества тюремных капелланов позволило религиям многих мусульманских, индуистских и сикхских мигрантов получить официальное признание и ресурсы³⁰. Напротив, французские тюрьмы, в которых исторически тюремных капелланов всегда было недостаточно, прежде всего пытались удовлетворить религиозные потребности заключенных мусульманского происхождения³¹. Иначе обстоит дело с землями Германии, которые ранее входили в состав ГДР³². На контроль над тюремным капелланом в этих регионах по-прежнему влияет историческое наследие напряженности между социалистическим государством и христианскими церквами. Между некоторыми скандинавскими странами также очевидны удивительные различия в том, как организована деятельность тюремных капелланов³³. В целом, в глобализирующемся мире

28. Sudbury, J. (eds) (2005) *Global Lockdown: Race, Gender, and the Prison-Industrial Complex*. London, Routledge.

29. UK Government (2018) National statistics. How many people are detained or returned? [<https://tinyurl.com/2p8vn3mr>, accessed on 02.06.2023]. См. также: "Immigration Detention in the UK", *The University of Oxford, The Migration Observatory* [<https://tinyurl.com/3yc4npsu>, accessed on 02.06.2023].

30. Beckford, J. A., Gilliat, S. (1998) *Religion in Prison. Equal Rites in a Multi-Faith Society*. Cambridge: Cambridge University Press; Beckford, J. A., Joly, D., Khosrokhavar, F. (2005) *Muslims in Prison: Challenge and Change in Britain and France*. Basingstoke: Palgrave.

31. Khosrokhavar, F. (2004) *L'islam dans les prisons*. Paris: Balland; Khosrokhavar, F. (2015) "The Constrained Role of the Muslim Chaplain in French Prisons", *International Journal of Politics, Culture and Society* 28: 67–82; Béraud, C., De Galember, C., Rostaing, C. (2016) *De la Religion en Prison*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes.

32. Becci, I. (2012) *Imprisoned Religion. Transformations of Religion during and after Imprisonment in Eastern Germany*. Farnham: Ashgate.

33. Furseth, I., van der Aa Kühle, L. (2011) "Prison Chaplaincy from a Scandinavian Perspective", *Archives de Sciences Sociales des Religions* 153: 123–141.

тюрьмы представляют собой топоры самых разных типов взаимодействия между мигрантами и религией.

История сильно влияет на то, как различные тюремные системы решают вопросы взаимодействия между мигрантами и религией. В странах-членах Британского Содружества и США протестантские конфессии, в частности, сыграли важную роль в формировании представлений о наказании и реабилитации, которые до сих пор лежат в основе нынешних режимов заключения. Идея о том, что нарушителей закона можно «исправлять» и «реабилитировать», а не просто подвергать публичному унижению, физическому наказанию, отправке в исправительные колонии в Австралии или казни, во многом обязана мыслителям и активистам, связанным с квакерами и евангелическими движениями конца XVIII и начала XIX в. Принуждение к одиночеству, молчанию и каторжным работам было обычным явлением в самых ранних формах пенитенциарных учреждений и считалось необходимым для развития самодисциплины, а также духовности. Даже архитектура таких учреждений, как Восточная государственная тюрьма в Филадельфии (с ее «раздельной системой») и Обернская тюрьма в штате Нью-Йорк (с ее «молчаливой системой»), отражала эти религиозные идеалы³⁴.

Одним из элементов исторических связей между религией и тюрьмами в Европе и США является то, что тюремные капелланы по-прежнему занимают важное положение в качестве добровольцев или профессионалов в большинстве юрисдикций. Даже страны с конституционным отделением религии от государства, такие как Франция, предусматривают наличие тюремных капелланов. Конкретный вклад тюремных капелланов варьируется от центрального до периферийного с точки зрения их полномочий и возможностей развивать религиозную жизнь заключенных и тюремного персонала. Но один из интересных вопросов о тюремных капелланах состоит в том, насколько хорошо они отреагировали на недавний приток мигрантов, находящихся под стражей. В то время как многие мигранты, которые не находятся в заключении, должны прилагать усилия, чтобы установить контакт с религиозными организациями или персоналом, заключенные оказываются в необычной ситуации, ежедневно встречаясь с духовными лицами. Другими словами, тюрьмы позволяют

34. Graber, J. (2011) *The Furnace of Affliction: Prisons and Religion in Antebellum America*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.

мигрантам контактировать с капелланами и их религиозными организациями.

Само присутствие капелланов в тюрьмах означает, что мигранты, находящиеся в заключении, имеют возможность поговорить со специалистами в области религии, которые могут предложить не только духовную и религиозную помощь, но и доступ к информации и ресурсам практического характера. Действительно, эти взаимодействия с капелланами могут формировать религиозную идентичность мигрантов, или по крайней мере оживлять такую идентичность среди тех, кто ранее не были религиозно активны.

В случае с Англией и Уэльсом массовое расселение мигрантов в основном из Южной Азии и Карибского бассейна, начавшееся в 1950-е гг., вынудило все государственные учреждения учитывать религиозные, культурные и этнические различия. Борьба с дискриминацией во всех сферах жизни была сложной — и в этом смысле еще предстоит пройти долгий путь³⁵, — но тюрьмы были в авангарде усилий по выявлению расизма, предрассудков, дискриминации и неравенства и эффективному реагированию на них. Действительно, побуждение к общественному признанию, учету отличительных черт всех официально признанных религиозных традиций в течение последних нескольких десятилетий в британских тюрьмах было весьма интенсивным³⁶.

Воспользовавшись тем, что христианская религия на протяжении столетий занимала центральное место в управлении британскими тюрьмами, представители буддистов, индуистов, иудеев, мусульман и сикхов смогли договориться с тюремными властями о том, чтобы заключенные могли соблюдать основные требования соответствующих религий. По сути, эти лидеры «использовали» присутствие христианских капелланов и их деятельность в тюрьмах, чтобы найти место для своих собственных. В то же время некоторые христианские капелланы выступали в качестве «посредников» в переговорах между тюремными властями и представителями религиозных общин, с которыми отождествляли себя многие мигранты. По иронии судьбы можно

35. Prison Reform Trust (2017) *Tackling Discrimination in Prison: Still not a Fair Response*. London: Prison Reform Trust.

36. Beckford, J. A., Gilliat, S. (1998) *Religion in Prison. Equal Rites in a Multi-Faith Society*. Cambridge: Cambridge University Press; Beckford, J. A. (2015) “Religious diversity and rehabilitation in prisons: management, models and mutations”, in I. Becci, O. Roy (eds) *Religious Diversity in European Prisons. Challenges and Implications for Rehabilitation*, pp. 15–30. Heidelberg: Springer.

утверждать, что тюрьмы в Англии и Уэльсе сыграли значительную роль в укреплении положения различных религий меньшинств в британской общественной жизни. Мигранты из предыдущих поколений и их потомки составляют большинство людей, которые отождествляют себя с религиями, отличными от христианства. Кроме того, мигранты-христиане из Африки и Карибского региона сделали британское христианство более разнообразным. Нынешние заключенные в Англии и Уэльсе по своему составу отражают религиозное разнообразие, которое в значительной степени, но не полностью, может быть приписано мигрантам вообще.

Общественное давление, направленное на борьбу с дискриминацией, расизмом и неравенством в тюрьмах, привело к формализации понимания религиозных традиций, с которыми себя ассоциируют многие мигранты. Например, Служба тюрем Англии и Уэльса пыталась создать авторитетные перечни верований и обычаев, которых придерживаются представители всех основных религиозных традиций. Наиболее полный перечень содержался в «Руководстве для тюрем» (впервые издано в 2000 г. как Приказ тюремной службы № 4550), которое несколько раз пересматривалось и дополнялось «Стандартом деятельности 51. Религия», прежде чем в 2016 г. его заменил документ «Вера и пастырское попечение о заключенных»³⁷.

Дальнейшая формализация реакции тюремных властей на находящихся под стражей мигрантов и их религиозные традиции происходила на европейском уровне. Например, не имеющий обязательной юридической силы документ Совета Европы под названием «Европейские пенитенциарные правила» включает три основных положения под заголовком «Свобода мысли, совести и религии»: «29.1 Свобода мысли, совести и религии заключенных должна уважаться»; «29.2 Тюремный режим должен быть организован настолько, насколько это практически возможно, чтобы позволить заключенным исповедовать свою религию и следовать своим убеждениям, посещать службы или собрания, проводимые уполномоченными представителями такой религии или убеждений, получать свидания наедине с такими представителями их религии или убеждений и иметь при себе книги или литературу, относящиеся к их религии или убеждениям»; «29.3

37. NOMS (National Offender Management Service) (2016) *Faith and Pastoral Care for Prisoners*. London: National Offender Management Service.

Заклученных нельзя принуждать исповедовать религию или убеждения, посещать религиозные службы или собрания, принимать участие в религиозных обрядах или соглашаться на визит представителя любой религии или убеждений»³⁸.

Европейские пенитенциарные правила также рекомендуют, что «если в тюрьме содержится достаточное количество заключенных одной религии, должен быть назначен утвержденный представитель этой религии»³⁹ (Совет Европы, 2006, 58). Это положение создает пространство, в котором капелланы или добровольцы, представляющие, например, буддистов, индуистов, иудеев, мусульман или сикхов, могут попытаться с разной степенью успеха добиться официального признания своей религиозной и пастырской деятельности. Более того, другие правила требуют от тюремных властей учитывать религиозные предпочтения при принятии решений о рационе заключенных и обеспечивать «места отправления культа и собрания... в каждой тюрьме для заключенных всех религиозных конфессий и убеждений». Таким образом, религии мигрантов и меньшинств ставятся на один уровень с религиями большинства населения — по крайней мере, в том, что касается соответствующих политических установок.

Другим косвенным следствием растущего религиозного разнообразия заключенных, в которое мигранты внесли наибольший вклад, является то, что в тюрьмах созданы условия, в которых межрелигиозные отношения стали обычным явлением. Действительно, тюремные капелланы в тюрьмах Англии и Уэльса организованы на основе межрелигиозных команд. Это требует от представителей различных религиозных традиций сотрудничества друг с другом и совместного использования имеющихся ресурсов (*facilities*). В свою очередь, этот межрелигиозный дух оказывает определенное влияние на отношения между религиозными общинами в британском обществе как таковом.

Однако было бы неправильно упускать из виду тот факт, что этот процесс институционализации и формализации религий, привнесенных в Великобританию в основном мигрантами в прошлом и настоящем, временами был спорным и проблематичным. В этом смысле тюрьмы могут быть «горячими точками», где напряженность по поводу религии чревата серьезными проблемами,

38. Council of Europe (2006) *European Prison Rules*, p. 16. Strasbourg, Council of Europe Publishing.

39. Ibid., p. 58.

касающимися поддержания порядка. Длинный список потенциально спорных вопросов начинается с принципиальных дискуссий об исключении определенных религий из всех тюрем или об исключении лидеров, представляющих определенные теологические или юридические школы мысли в более широких религиозных традициях. Тюрьмы входят в число государственных учреждений, в которых вопрос о том, что считать религией, был поставлен во главу угла — в значительной степени, но не исключительно — в связи с растущим числом заключенных из среды мигрантов.

Другая проблема, порождающая разногласия в тюрьмах многих стран в наши дни, возникает из-за реальной или предполагаемой связи между религией некоторых групп мигрантов и радикализмом или воинствующим экстремизмом⁴⁰. Мусульмане-исламисты являются наиболее известным случаем, но другие, например, включают активистов полувоенных кампаний за создание отдельной страны/родины для сикхов в Пенджабе. Тюремные власти особенно обеспокоены двумя моментами. Первый: эти политически мотивированные активисты могут злоупотреблять возможностями, предоставляемыми религиозным группам, для формирования тюремных банд, стремящихся контролировать повседневную жизнь целых отделений тюрем. Второй: эти активисты могут пытаться «обратить» других заключенных, оказывая на них нежелательное давление, чтобы заставить их принять радикальные или экстремистские идеи, что может иметь серьезные последствия даже после освобождения радикально настроенных заключенных. Важно добавить, что тюрьмы часто рассматриваются как инкубаторы не только религиозно мотивированных радикалов и воинствующих экстремистов, но и сторонников противодействия им⁴¹. Во многих регионах США в тюрьмах содержится растущее число сторонников превосходства белой расы и патриотов-христиан, которые склонны рассматривать представителей религиозных меньшинств как законные мишени для ненависти и насилия⁴².

40. Dawson, L. L. (2018) "Debating the Role of Religion in the Motivation of Religious Terrorism", *Nordic Journal of Religion & Society* 31(2): 98–117.

41. Khosrokhavar, F. (2004) *L'islam dans les prisons*. Paris: Balland; Khosrokhavar, F. (2013) "Radicalization in prison: The French case", *Religion, Politics, and Ideology* 14(2): 284–306.

42. Hamm, M. S. (2013) *The Spectacular Few. Prisoner Radicalization and the Evolving Terrorist Threat*. New York: New York University Press.

Мигранты далеко не уникальны тем, что находятся в фокусе споров по поводу прав отправления религии в тюрьмах. Но нет никаких сомнений и в том, что межнациональная миграция помогла увеличить количество таких противоречий и серьезность угрозы, которую они, как утверждается, представляют для безопасности и порядка в тюрьмах.

3. Этика и политические установки

Вопросы миграции помогают вывести этические и политические дебаты о религии на поверхность общественной жизни во многих странах. Это главным образом связано с тем, что широкие потоки мигрантов по всему миру не только повысили уровень религиозного разнообразия в некоторых странах, но и способствовали давним этическим и политическим дискуссиям о месте меньшинств в либеральных режимах⁴³ и о соответствующих способах регулирования публичного выражения религии в более или менее светских государствах⁴⁴. Действительно, дискуссии о религии и миграции оказались не менее острыми, чем споры о «расе», классе, языке, национальности и этнической принадлежности в дискуссиях о социальной сплоченности, интеграции или ассимиляции⁴⁵.

Здесь не место подробно рассматривать эти этические и политические споры. Важно привлечь внимание к тому, как пересечения между миграцией и религией стали частью более общих теоретических споров. Отчасти это связано с тем, что Элизабет Шакман Херд называет «интенсивным политическим интересом к религии, охватившим международные общественно-политические круги в Северной Америке и Европе»⁴⁶. В самом деле, теперь необходимы качественные эмпирические исследования, чтобы выявить рутинную борьбу за то, как определить, что разрешено или запрещено во имя религии в семьях, школах, местах

43. Stoeckl, K. (2016) "Political Liberalism and Religious Claims: Four Blind Spots", *Philosophy and Social Criticism* 43(1): 34–50.

44. Richardson, J. T. (2014) "Religious Diversity, Social Control, and Legal Pluralism: A Socio-Legal Analysis", in G. Giordan, E. Pace (eds) *Religious Pluralism. Framing Religious Diversity in the Contemporary World*, pp. 31–47. Heidelberg: Springer; Ferrari, S. (2019) "The Secular State in a Declining Europe. Beyond the End of the European Universal Dream", *Journal of Law, Religion and State* 7: 13–30.

45. Beckford, J. A. (2011) "Religious Diversity and Social Problems. The Case of Britain", in T. Hjeltn (ed.) *Religion and Social Problems*, pp. 53–66. London: Routledge.

46. Hurd, E. S. (2015) *Beyond Religious Freedom: The New Global Politics of Religion*, p. 2. Princeton, NJ: Princeton University Press.

работы или отдыха, общественных зданиях, государственных органах и т.д., особенно когда речь идет об иммигрантских группах. Результаты таких исследований могут пролить свет на само собой разумеющиеся предположения (*assumptions*) о «религиозной нормальности» в различных обществах. Две конкретные темы требуют тщательного рассмотрения, потому что обе они связаны с идеей свободы. Одна касается отношений между меньшинствами мигрантов и остальной частью общества, а другая — отношений между представителями самих мигрантских меньшинств. Но обе темы показывают, насколько сложными могут быть пересечения между религией, этнической принадлежностью и статусом меньшинства в случае мигрантов и их потомков.

3.1 Свобода религии

С одной стороны, группы мигрантов часто изо всех сил пытаются сохранить практику своей веры в общества своего пребывания, которые ограничивают публичную религиозную практику одной или несколькими «государственными» (*established*) или признанными религиями. В некоторых обстоятельствах мигрантам, даже спустя десятилетия после прибытия, трудно чувствовать себя свободными от контролирующего влияния религий большинства — например в Саудовской Аравии или Греции. Но на самом деле во многих странах налицо напряженность и споры в связи с требованиями меньшинств свободно следовать своим религиозным убеждениям и практикам перед лицом оппозиции со стороны большинства. Особо проблематичными являются требования освобождения по религиозным мотивам от действующих законов или правил, регулирующих такие вопросы, как образование детей, строительство религиозных зданий, ритуальный забой животных для принятия в пищу, полигамия, практика погребения мертвых, сегрегация по половому признаку в государственных учреждениях и отсутствие на работе или учебе в связи с религиозными праздниками или во время молитвы. Попытки решить некоторые из этих вопросов путем признания полномочий религиозных судов или трибуналов, то есть в форме правового плюрализма, вызывают не меньше споров⁴⁷.

47. Giordan, G., Pace, E. (eds) (2014) *Religious Pluralism. Framing Religious Diversity in the Contemporary World*. Cham: Springer.

Повышенный интерес в рамках государственной политики к вопросам о мигрантах и религиозной свободе нельзя отделить от более общих соображений о геополитике и безопасности. В эпоху после «11 сентября» и параллельно с многочисленными вооруженными конфликтами на Ближнем Востоке и в Северной Африке волны перемещенных лиц — потенциальных и бывших боевиков, беженцев и просителей убежища — увеличили миграционные потоки в Европу и за ее пределы. Мигранты-мусульмане, в частности, становятся объектом все более навязчивой слежки со стороны служб безопасности после насильственных действий, совершаемых самопровозглашенными джихадистами и воинствующими исламистами-экстремистами. Безопасность стала универсальным поводом не только для пристального наблюдения за людьми, проявляющими признаки экстремизма, но и для противодействия любому сочувствию или поддержке радикальных идей и применению насилия. В этом контексте ощущение значимости даже незначительных опасений по поводу религиозных верований и обычаев мигрантов достигло беспрецедентного уровня.

3.2 Свобода от религии

С другой стороны, представителям некоторых этно-религиозных групп мигрантов трудно дистанцироваться от религиозных норм своих общин. Это наиболее ярко проявляется в тех случаях, когда человек либо принимает религию, отличную от религии своей семьи, либо пытается жить вне религий вообще. Но это также общий опыт мигрантов, стремящихся найти новые способы примирения своих культурно унаследованных религиозных взглядов с новыми обстоятельствами, в которых они оказались. Обсуждение такой нетрадиционной идентичности может быть особенно острым для молодых поколений мигрантов, если они стремятся найти новые или гибридные способы сочетания элементов своей первоначальной религиозной идентичности с элементами, почерпнутыми из других источников. Напряженность внутри родственных групп мигрантов может быть особенно очевидной в связи с такими вопросами, как обвинения в вероотступничестве или богохульстве, разногласия по поводу подходящей карьеры для женщин и партнеров по браку, давление с целью соблюдения моделей кросс-кузенного брака (*cross-cousin marriage*), мужское обрезание или калечащие операции на женских половых органах, допустимые формы развода.

4. Заключение

История отношений между миграцией и религией — долгая, сложная и изменчивая. Социологические исследования пролили свет на то, какой вклад религии внесли в побуждение к миграции, и реагирование на последствия, которые она может вызвать. Особо важные исследования выявили влияние таких факторов, как гендер и поколение, на формирование способов, которыми миграция и религия пересекаются друг с другом. В этой статье нам хотелось бы подчеркнуть, что необходимы дальнейшие исследования двух относительно малоизученных аспектов этого пересечения — обращение с детьми в схемах «вынужденной» миграции, частично спонсируемых религиозными организациями, и спорные вопросы, возникающие в тюрьмах, когда миграция увеличивает религиозное разнообразие среди заключенных. Вынужденная миграция детей и рост религиозного разнообразия в тюрьмах являются темами, которые указывают на необходимость достижения ясности в отношении этических принципов и государственной политики по вопросам религии и миграции, а именно свободы от религии и ограничений религиозной свободы.

Однако в настоящее время согласовано очень мало таких ясных принципов, на которых можно было бы надежно основывать государственную политику в отношении религии и миграции. Несмотря на то, что международные конвенции о ценности религиозной свободы действуют во многих странах на протяжении десятилетий, а продвижение свободы вероисповедания стало официальной целью внешней политики таких стран, как США⁴⁸ и Великобритания, существуют большие различия между разными странами в смысле форм и эффективности той политики и правовых норм, которые определяют и защищают равенство и свободу религий⁴⁹. Более того, были подняты принципиальные вопросы о способности либеральных режимов разделения между религиями и европейскими государствами разрешать напряженность, сопровождающую рост религиозного разнообразия, связанный с крупномасштабной иммиграцией. По мнению Сильвио Феррари, «светское государство было эффективным инструментом регулирования религий, когда Европа была еще христиан-

48. Hurd, E. S. (2015) *Beyond Religious Freedom: The New Global Politics of Religion*.

49. Loenen, M. L. P., Goldschmidt, J. E. (eds) (2007) *Religious Pluralism and Human Rights in Europe: Where to Draw the Line?* Antwerp: Intersentia.

ским континентом. Ему удалось постепенно оттеснить религию на обочину публичной сферы, и именно христианство, по крайней мере в его протестантском, а затем и католическом вариантах, принимало эту политику в большей степени, чем другие религии»⁵⁰. Задача теперь состоит в том, чтобы определить политику и правовые принципы, которые могли бы адекватно реагировать на религиозное разнообразие, порожденное иммиграцией, не обязательно опираясь исключительно на христианские и/или светские корни преобладающих систем регулирования.

Перевод с английского Александра Кырлежева

Библиография / References

- Adogame, A. (2010) "Transnational Migration and Pentecostalism in Europe", *Pentecostudies: An Interdisciplinary Journal for Research on the Pentecostal and Charismatic Movements* 9(1): 56–73.
- Allievi, S., Nielsen, J. (eds) (2003) *Muslim Networks and Transnational Communities in and across Europe*. Leiden: Brill.
- Bader, V. (2009) "The Governance of Religious Diversity: Theory, Research, and Practice", in P. Bramadat, M. Koenig (eds) *International Migration and the Governance of Religious Diversity*, pp. 43–72. Kingston, ON: School of Policy Studies, Queen's University.
- Bastenier, A., Dassetto, F. (1979) "Hypothèses pour une analyse des stratégies religieuses au sein du monde migratoire en Europe", *Social Compass* XXVI(1): 145–170.
- Becci, I. (2012) *Imprisoned Religion. Transformations of Religion during and after Imprisonment in Eastern Germany*. Farnham: Ashgate.
- Becci, I., Roy, O. (eds) (2015) *Religious Diversity in European Prisons. Challenges and Implications for Rehabilitation*. Heidelberg: Springer.
- Beckford, J. A. (2011) "Religious Diversity and Social Problems. The case of Britain", in T. Hjelm (ed.) *Religion and Social Problems*, pp. 53–66. London, Routledge.
- Beckford, J. A. (2015) "Religious diversity and rehabilitation in prisons: management, models and mutations", in I. Becci, O. Roy (eds) *Religious Diversity in European Prisons. Challenges and Implications for Rehabilitation*, pp. 15–30. Heidelberg: Springer.
- Beckford, J. A. (ed.) (2015) *Migration and Religion*, 2 vols. Cheltenham: Edward Elgar Publications.
- Beckford, J. A., Gilliat, S. (1998) *Religion in Prison. Equal Rites in a Multi-Faith Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Beckford, J. A., Joly, D., Khosrokhavar, F. (2005) *Muslims in Prison: Challenge and Change in Britain and France*. Basingstoke: Palgrave.
- Benthall, J., Bellion-Jourdan, J. (2009) *The Charitable Crescent: Politics of Aid in the Muslim World*. London: I. B. Tauris.

50. Ferrari, S. *The Secular State in a Declining Europe. Beyond the End of the European Universal Dream*, p. 22.

- Béraud, C., De Galember, C., Rostaing, C. (2016) *De la Religion en Prison*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes.
- Bonifacio, G. T., Angeles, V. S. M. (eds) (2010) *Gender, Religion, and Migration*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Bramadat, P., Koenig, M. (eds) (2009) *International Migration and the Governance of Religious Diversity*. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press.
- Cadge, W., Ecklund, E. H. (2007) "Immigration and religion", *Annual Review of Sociology* XXXIII: 359–379.
- Chant, S. (ed.) (1992) *Gender and Migration in Developing Countries*. London: Belhaven Press.
- Cherry, S. M., Ebaugh, H. R. (eds) (2014) *Global Religious Movements across Borders*. Farnham: Ashgate.
- Connor, P. (2010) "Contexts of Immigrant Receptivity and Immigrant Religious Outcomes: the Case of Muslims in Western Europe", *Ethnic and Racial Studies* XXXIII(3): 376–403.
- Connor, P. (2014) *Immigrant Faith. Patterns of Immigrant Religion in the United States, Canada, and Western Europe*. New York: New York University Press.
- Council of Europe (2006) *European Prison Rules*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.
- Cowan, D. E. (2007) "Religion on the Internet", in J. A. Beckford, III N. J. Demerath (eds) *The SAGE Handbook of the Sociology of Religion*, pp. 357–376. London: Sage.
- Dawson, L. L. (2018) "Debating the Role of Religion in the Motivation of Religious Terrorism", *Nordic Journal of Religion & Society* 31(2): 98–117.
- Ebaugh, H. R., Chafetz, J. S. (eds) (2000) *Religion and the New Immigrants: Continuities and Adaptations in Immigrant Congregations*. Walnut Creek, CA: Alta Mira Press.
- Ferrari, S. (2019) "The Secular State in a Declining Europe. Beyond the End of the European Universal Dream", *Journal of Law, Religion and State* 7: 13–30.
- Furseth, I., van der Aa Kühle, L. (2011) "Prison Chaplaincy from a Scandinavian Perspective", *Archives de Sciences Sociales des Religions* 153: 123–141.
- Gallo, E. (ed.) (2014) *Migration and Religion in Europe. Comparative Perspectives on South Asian Experiences*. Farnham: Ashgate.
- Garnett, J., Harris, A. (eds) (2013) *Rescripting Religion in the City. Migration and Religious Identity in the Modern Metropolis*. Farnham: Ashgate.
- Giordan, G., Pace, E. (eds) (2014) *Religious Pluralism. Framing Religious Diversity in the Contemporary World*. Cham: Springer.
- Graber, J. (2011) *The Furnace of Affliction: Prisons and Religion in Antebellum America*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- Griffith, R. M., Savage, B. D. (eds) (2006) *Women and Religion in the African Diaspora: Knowledge, Power, and Performance*. Baltimore, MD, Johns Hopkins University Press.
- Haddad, Y. Y., Smith, J. I., Esposito, J. L. (eds) (2003) *Religion and Immigration: Christian, Jewish, and Muslim Experiences in the United States*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press.
- Hagan, J. M. (2013) "Crossing Borders: Transnational Sanctuary, Social Justice, and the Church", in C. Bender, W. Cadge, P. Levitt, D. Smilde (eds) *Religion on the Edge. De-Centering and Re-Centering the Sociology of Religion*, pp. 263–283. New York: Oxford University Press.
- Hamm, M. S. (2013) *The Spectacular Few. Prisoner Radicalization and the Evolving Terrorist Threat*. New York: New York University Press.

- Hammond, P.E. (1963) "The Migrating Sect: An Illustration from Early Norwegian Immigration", *Social Forces* XLI: 275–283.
- Herberg, W. (1955) *Protestant, Catholic, Jew. An Essay in American Religious Sociology*. Garden City, NY: Doubleday & Co.
- Hurd, E.S. (2015) *Beyond Religious Freedom: The New Global Politics of Religion*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- IICSA (Independent Inquiry Child Sexual Abuse) (2018) Child Migration Programmes. Investigation Report. London, Report HC954-II, presented to Parliament, March 2018. [<https://tinyurl.com/257kx837>, accessed on 02.06.2023].
- Juergensmeyer, M. (eds) (2003) *Global Religions. An Introduction*. New York, Oxford University Press.
- Khosrokhavar, F. (2004) *L'islam dans les prisons*. Paris: Balland.
- Khosrokhavar, F. (2013) "Radicalization in Prison: The French Case", *Religion, Politics, and Ideology* 14(2): 284–306.
- Khosrokhavar, F. (2015) "The Constrained Role of the Muslim Chaplain in French Prisons", *International Journal of Politics, Culture and Society* 28: 67–82.
- Kivisto, P. (2014) *Religion and Immigration: Migrant Faiths in North America and Western Europe*. Cambridge: Polity Press.
- Knott, K. (2005) *The Location of Religion: A Spatial Analysis*. London: Equinox.
- Kymlicka, W. (2009) "The Governance of Religious Diversity: the Old and the New", in P. Bramadat, M. Koenig (eds) *International Migration and the Governance of Religious Diversity*, pp. 323–334. Kingston, ON: School of Policy Studies, Queen's University.
- Leonard, K.I., Stepick, A., Vasquez, M.A., Holdaway, J. (eds) (2005) *Immigrant Faiths: Transforming Religious Life in America*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press.
- Loenen, M.L.P., Goldschmidt, J.E. (eds) (2007) *Religious Pluralism and Human Rights in Europe: Where to Draw the Line?* Antwerp: Intersentia.
- Lövheim, M., Axner, M. (2011) "Halal-TV: negotiating the place of religion in Swedish public discourse", *Nordic Journal of Religion & Society* XXIV(1): 57–74.
- Lynch, G. (2016) *Remembering Child Migration*. London: Bloomsbury.
- Modood, T. (1998) "Anti-Essentialism, Multiculturalism and the 'Recognition' of Religious Groups", *Journal of Political Philosophy* VI(4): 356–377.
- NOMS (National Offender Management Service) (2016) *Faith and Pastoral Care for Prisoners*. London: National Offender Management Service.
- Oosterbaan, M. (2014) "Public Religion and Urban Space in Europe", *Social & Cultural Geography* 15(6): 591–602.
- Pace, E. (2014) "Religion in Motion: Migration, Religion and Social Theory", in H. Vilça, E. Pace, I. Furseth, P. Pettersson (eds) *The Changing Soul of Europe. Religions and Migrations in Northern and Southern Europe*, pp. 9–23. Farnham: Ashgate.
- Parker, R. (2008) *Uprooted: The Shipment of Poor Children to Canada, 1867–1917*. Bristol: Policy Press.
- Pew Research Center (2012) *Faith on the Move. The Religious Affiliation of International Migrants* [<http://pewforum.org/Faith-on-the-move.aspx>, accessed on 02/06/2023]
- Pew Research Center (2013) *The Religious Affiliation of U.S. Immigrants: Majority Christian, Rising Share of Other Faiths* [<http://www.pewforum.org/2013/05/17/the-religious-affiliation-of-us-immigrants/>, accessed on 02/06/2023].
- Pew Research Center (2015) *The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050. Why Muslims Are Rising Fastest and the Unaffiliated Are Shrinking*

- as a Share of the World's Population, pp. 12–13. [http://www.pewforum.org/files/2015/03/PF_15.04.02_ProjectionsFullReport.pdf, Accessed on 02/06/2023].
- Plowman, D. H. (2010) “A Fragment of the Maltese Exodus: Child Migration to Australia 1953–1965”, *Journal of Maltese History* II(1): 1–20.
- Prison Reform Trust (2017) *Tackling Discrimination in Prison: Still not a Fair Response*. London: Prison Reform Trust.
- Richardson, J. T. (2014) “Religious Diversity, Social Control, and Legal Pluralism: A Socio-Legal Analysis”, in G. Giordan, E. Pace (eds) *Religious Pluralism. Framing Religious Diversity in the Contemporary World*, pp. 31–47. Heidelberg: Springer.
- Robertson, R. (2003) “Antiglobal religion”, in M. Juergensmeyer (ed.) *Global Religions. An Introduction*, pp. 110–123. New York: Oxford University Press.
- Stoeckl, K. (2016) “Political Liberalism and Religious Claims: Four Blind Spots”, *Philosophy and Social Criticism* 43(1): 34–50.
- Sudbury, J. (eds) (2005) *Global Lockdown: Race, Gender, and the Prison-Industrial Complex*. London: Routledge.
- Vilaça, H., Pace, E., Furseth, I., Pettersson, P. (eds) (2014) *The Changing Soul of Europe. Religions and Migrations in Northern and Southern Europe*. Farnham: Ashgate.
- Willis, K., Yeoh, B. (eds) (2000) *Gender and Migration*. Cheltenham: Edward Elgar.